ДИСКУРС ПРАВДЫ И ДИСКУРС ПОСТПРАВДЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ (на материале интервью действующих политиков зарубежным СМИ)

А.А. Романов, Л.А. Романова, О.Н. Морозова

В статье рассматриваются понятия «дискурса правды» и дискурса постправды» как две разновидности политического дискурса-интервью, реализуемые участниками медийной интеракции в рамках типового иллокутивного сценария «обвинение».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс, «дискурс правды», «дискурс-постправды», политическое интервью, фреймовая конфигурация, иллокутивный сценарий

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации, директор Тверского института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций (ТИПЛиМК) ТГСХА; профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ТГСХА. romanov_tgsha@mail.ru

МОРОЗОВА Оксана Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления Тверского государственного университета. mirlic@rambler.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Дискурс правды и дискурс постправды политического интервью (на материале интервью действующих политиков зарубежным СМИ) [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 1. – С. 1–28. Режим доступа: http:// www. tverlingua.ru

DISCOURSE OF TRUTH AND POST-TRUTH IN THE POLITICAL INTERVIEW (based on the interview of current politicians with foreign media)

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova, Oksana N. Morozova

The article deals with the concept of the “discourse of truth” and “post-truth” as two types of political discourse-interview, undertaken by the participants in the media interaction within the standard illocutionary scenario of accusation.

KEY WORDS: discourse, “discourse of truth”, “discourse of post-truth”, political interview, frame configuration, illocutionary scenario

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, professor, Head of the chair of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy, professor of the chair fundamental and applied linguistics of Tver State University, Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, professor, professor of the chair of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. larrar@yandex.ru

MOROZOVA Oksana N. – DSc in Philology, associate professor, professor of the department of Government of Tver State University. mirlic@rambler.ru

Citation: Romanov A.A. Romanova L.A., Morozova O.N. Discourse of truth and post-truth in the political interview (based on the interview of current politicians with foreign media) // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2019, № 1. – P. 1–28. Access mode: www.tverlingua.ru

Итак отдавайте всякому должное:
кому пóдать, пóдать;
кому оброк, оброк;
кому страх, страх;
кому честь, честь.
Павел. К Римлянам. Гл. 13: 6

Кто говорит последним –
всегда прав.
Поговорка

В ряде работ, посвященных информационному противоборству в публичной сфере медийного геополитического пространства, отмечается, что в атакующей дискурсии и дефензивной контрдискурсии *особая*, можно даже сказать, *доминирующая* роль в «дуэльном фехтовании» или «обмене» информационными, коммуникативными «практиками-уколами» между атакующей и атакованной сторонами в дискурсивном пространстве публичных интервью отводится ***двум разновидностям*** дискурсивного массива, реализуемым (объединенным) в рамках сходной (общей) иллокутивной (коммуникативно-функциональной) направленности гиперфреймовой конфигурации «***обвинение***», которое выдвигается первой (атакующей) стороной против второй (атакованной) стороны в совершении реальных (фактуальных, проверяемых) или же выдуманных в угоду конкретному бенефициару фейковых, “срежиссированных” и сконструированных спиндокторами, политтехнологами, политконсультантами и советниками по коммуникациям, т.е. «профессиональными, как их определяет П. Шампань (1997, URL), социальными агентами», “враждебных”, “недружественных”, “подрывных” акций (в широком смысле этого термина), наносящих первой стороне ущерб (подробнее см.: Романов, 1992; 1995; 2002; 2004; 2014; 2016; 2017; Романов, Малышева, 2016; Романов, Романова, 2015; 2017; 2018; 2018*б*; Романов, Морозова, 2015; Романов, Романова, Морозова, 2015; 2015*а*; 2015*б*; 2017; 2018). Примечательно, что обе разновидности гиперфреймовой организации

с иллокутивной направленностью «*обвинение*» сходны друг с другом в реляционно-структурном формате, но расходятся в функционально - семантической манифестации гиперфреймовых конституентов. Отличие одной разновидности от другой основывается на противопоставлении реальной (фактуальной) versus имитационной (фальшивой, выдуманной, нефактуальной) денотативно-референтной соотнесенности прецедентных событий.

Разновидность дискурсивного массива, основанная на фактуальности прецедентных событий, можно именовать ***дискурсом правды***, а другую противоположность – *дискурсом недостоверной информации* или ***дискурсом постправды*** (от англ. прилагательного «post-truth» в значении «постправдивый», «постистинный», «несущественный», «неуместный», «недостоверный), в котором, по данным Оксфордского словаря английского языка (Oxford Dictionaries, 2016, URL), слово «post-truth», выбранное в 2016 году словом года, репрезентирует понятие, связанное с «обстоятельствами, при которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям», не связанным с верификацией объективности фактуальных событий.

Иначе говоря, «дискурсом постправды» создаётся такая коммуникативно - социальная ситуация дискурсивной реальности, когда доминирующей становится апелляция к «личным убеждениям и личным эмоциям», когда личные убеждения, предпочтения и ожидания, а также личные эмоции, рассматриваемые (принимаемые) адресатом коммуникативно-справедливым ***мерилом правды***, воздействуют на консциентальную сферу эффективнее, чем ссылки на объективные факты. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением А. Трайндла (Traindl, 2007: 11-12) о том, что «человеческое поведение определяет не разум, а эмоциональные процессы в старейших, первобытных участках структуры мозга. Именно они (т.е. эмоциональные процессы – А.Р., Л.Р., О.М.) влияют

на сознательное восприятие окружающего мира». Больше того, он пишет: «Мы утверждаем, что поведением человека управляет не разум, а эмоции», которые «олицетворяют систему ценностей в лучшем смысле этого слова» (там же, с. 14, 16). Опираясь на исследования А. Дамасио, автор заключает, что «человек сознательно воспринимает только то, что вызывает у него эмоции, связанные с удовольствием или, наоборот, со страданием. … Человек воспринимает информацию избирательно, в зависимости от типа эмоциональной системы. Таким образом, – заключает А. Трайндл, – человек воспринимает только то, что ему интересно на эмоциональном уровне, противопоставляя удовольствие боли, похвалу – наказанию, выигрыш – проигрышу, ощущение «нравится» – ощущению «не нравится. … Все «сознательно» проживаемое сначала эмоционально окрашивается и оценивается на подсознательном уровне. … Эмоция является двигателем разума. Эмоции решают, что и как мы воспринимаем. … Эмоция – это правда» (Traindl, 2007: 16- 18, 26-27) и «ничто не проходит на уровень разума (сознания), пока не пройдет эмоциональную оценку» (там же, с. 36).

Уместно добавить, что в последнее десятилетие нашего XXI века «теория» масштабного наступления «эпохи постправды» стала довольно популярной во всем мире. Неудивительно, что такая популярность нашла своё отражение в соответствующих решениях академических изданий национальных словарей, в которых слово «постправда» («post-truth»), признавалось словом года, но при этом значение слова «постправда» (точнее, «постправдивый») прирастало дополнительными коннотациями по сравнению с исходным значением в английском языке. В частности, в том же 2016 году Академия немецкого языка (см.: GfdS, URL) назвала словом года прилагательное «***postfaktisch***», фиксирующее политический сдвиг в направлении «от действительной истины до того, что признаётся истиной», подчёркивая тем самым конструктивистский (т.е. сконструированный в ментальности, в консциентальной сфере человека) *характер* данного понятия, *объём* и *его протяжённость*, зафиксированные в оценках

контрарных точек: *от точки, что* является, считается *действительной* истиной *до противоположной точки*, в которой действенная истина *превращается* (трансформируется, преобразуется) в *признаваемую* истину (о семантической специфике коммуникативного конструкта см.: Романова, 2007; 2009; Романов, Романова, 2009; Романов, Царьков, Романова, 2017; Romanov, Romanova, 2017). А в конце 2017 года в словарь Королевской испанской академии было введено существительное «***posverdad***» в значении: «преднамеренное искажение реальности, манипулирующее убеждениями и эмоциями с целью влияния на общественное мнение и социальные отношения» (см.: Wikipedia.org/wiki/ posver-dad). Приведенные дефиниции подчеркивают лишь реальную очевидность тенденции активного распространения слова (понятия, концепции, парадигмы или инвентаря коммуникативно-инструментальных медийных политтехнологий) «постправда» / «post-truth» и включение его в социально - политическую практику различных сценариев жизни в современном глобальном мире.

Отмеченная очевидность и масштабность современной тенденции активного распространения слова (также: понятия, концепции, парадигмы или инвентаря коммуникативно - инструментальных медийных политтехнологий) «постправда» / «post-truth» достаточно четко очерчивает и выявляет маркирующие признаки так называемой эпохи «теории постправды», пришедшей сегодня на смену якобы «уничтоженной в период 70-х – 90-х годах XX столетия “золотой” «эпохи правды» с её доминантной верифицируемостью истины (фактуальности) и знаменующей собой *тотальное безразличие* к факту, истине, объективности, сводимое к эмотивно-оценочному преобладанию понятия *дискурсивной реальности*. Отсюда очевидна эмотивно-оценочная идеология теоретических основ платформы «постправды», которую можно свести к ряду следующих посылов:

а) доминирование трансформированного утверждения Декарта “Cogito ergo sum” в базовый (отправной) постулат говорящего / сообщающего: “*Я*

говорю значит *Я* существую (погружён, нахожусь) в этой, создаваемой моим дискурсом реальности” и, следовательно, “*Я* утверждаю, что истинно и фактуально всё то, о чём *Я* говорю / сообщаю”,

б) прокламируемые в вербальной форме коммуникативные конструкты “*Я* утверждаю, что … ” в виде эмотивно-оценочных констатаций (утверждений) не могут оцениваться (верифицироваться, проверяться на фактуальность «было / не было», «истинно / ложно»), так как мои (т.е. высказываемые / высказанные мною) *Я*-утверждения уже не являются и не могут быть ложью, если этим утверждениям ***верит*** / ***доверяет*** кто-то *Другой* (в качестве собеседника, партнёра по коалиции или бизнесу, коллективного адресата),

в) эмоциональная основа веры *Другого* в мои многочисленные потоки дискурсивных *Я*-утверждений сводится к его отключению от оценки (ценности) истинности сообщаемых утверждений, т.е. для *Другого* истинность или ложность не имеет решающего значения, так как он верит в мои дискурсивные *Я*-конструкты и эмоционально сконцентрирован на них. «Вездесущий поток информации, – утверждает Конрад Беккер, – слишком быстр, чтобы его осмыслить. Ценность создаваемого дефицита (экономии) внимания состоит в том, что можно с пользой направлять восприятие на определенные области, выставлять одни аспекты на свет, с тем, чтобы другие остались в тени. Возрастающий фокус внимания на спектакле заставляет исчезнуть все, что не входит в предопределенный горизонт событий» (Becker, 2002: 5, 7),

г) и коль скоро к истине высказанного множества *Я*-утверждений *Другой* (адресат) как и сам *Говорящий* от первого лица становятся безразличными, то любые, даже самые нелепые утверждения, оцениваются правдивыми, имеющими место в мире наших (*Говорящего* и *Другого* / *Других*) эмотивно-оценочных суждений и умозаключений. Для таких суждений и умозаключений правда – это не фактуальная реальность, а их эмотивно-оценочный, символический, симулякровый дискурс; для них

правда – дискурсивная реальность и правдой является всё то, о чем говорят, обсуждают, видят, переживают, оценивают. Сообщаемое, увиденное, переживаемое и оцененное «через опосредование символических (“симуляцонных”) сценариев <их> имплицитного политического нарратива и логики» рисуется (принимается, осмысливается) в картине мира *Другого* / *Других* «как симуляция реальности» образа мира, который в этом виде (т.е. «как симуляция или карта реальности) «может быть высоко действенным» (Becker, 2002: 5; см. также: Романов, 2002; 2004; Романов, Малышева, 2016; Романов, Романова, 2015; 2018*а*; 2018*в*; 2019; 2019*а*; 2019*б*; Романов, Романова**,** Морозова, 2015*а*; 2015*б*; 2017; 2018; Романов, Черепанова, 1998).

Очевидно, что действенный образ симуляционной реальности, по К. Беккеру, есть результативный фактор «манипуляции в инфосфере», которая осуществляется также и «в виду глубокого проникновения в коммуникационный ландшафт агентов влияния» (Becker, 2002: 7) или «социальных агентов – политических журналистов, политологов, специалистов по опросам, специалистов по коммуникациям и т.д., которые, каждый в своей манере, со своими собственными интересами и своими специфическими ставками более или менее прямо участвуют в политической игре» (Шампань, 1997, URL).

Отмеченные посылы позволяют раскрыть очевидную тенденцию и объяснить расширение исходного значения англоязычной версии «постправды» («post-truth»), а также выявить специфику его активной адаптации в социально - политическом контексте различных дискурсивных сценариев информационного противоборства. Но, несмотря на широкое распространение и активную политическую практику применения феномена «постправды» в качестве разрушительного тарана глобального мироустройства и комплекса «гибридных» технологий в информационном противостоянии между основными игроками на мировой арене, представляется сегодня всё же преждевременным строить умозаключения относительно глобальных перспектив новой «теоретической» парадигмы. И

хотя в настоящий момент неоспорима масштабность деструктивного наступления «эпохи постправды» на структуру сложившихся в геополитическом пространстве межгосударственных отношений, особенно в части широкомасштабного применения «постправдивого» дискурса «брехни» (Bullshit), «фейковых новостей» (Fake news), «ложных утверждений» и искажающих реальность необоснованных или лживых и провокационных (провокативных) «обвинений» как информационно - технологического тарана и «стенобитного» инструментария в противостоянии между глобальными политическими игроками-соперниками, тем не менее политика правды, в трактовке М. Фуко (Фуко, 2008), не признала своей полной капитуляции и дискурсы, «дискурсы правды», опирающиеся на верифицируемую, реальную денотативно-референтную соотнесенность с прецедентными событиями, способны отражать и описывать сложившийся и признаваемый в мире статус-кво между партнерами-соперниками. И даже если между ними возникают ситуации конкретных политических разногласий, трений или расхождений в оценках и мнениях относительно прецедентных событий и пусть даже партнёры-соперники используют дискурсы с обвинительной иллокутивной направленностью, то и тогда используемый ими дискурсивный массив опирается на фактуальную основу их прецедентности, чтобы показать верифицируемость оценки с фиксацией контекстов «было – не было».

Характерно, что в конфигурационном плане отмеченные разновидности атакующего дискурса (т.е. дискурс правды и дискурс «постправды) опираются на одну и ту же реляционную структуру фреймовой организации «***обвинение***», в которой вершина или вершинный терминал («обвинять», «констатировать вину») валентно объединяет в «функционально - семантическое целое или функционально - семантическое представление – ФСП», по А.А. Романову (Романов, 1988), следующие терминалы или терминальные узлы: «***участники***» в их ролевом исполнении и количественном представлении, «***прецедент***» в виде конкретного

(фактуального) или дискурсивного (фейкового, «срежиссированного», спиндокторами сконструированного) события, «***вердикт***» в виде негативной оценки относительно прецедентного события. В зависимости от жанровой разновидности информационного противостояния (информационных и политических кампаний, информационно-медийных атак, «шумов», «вбросов», заготовленных «уток») и семантической валентности фреймовой вершины конфигурационные терминалы могут конкретизироваться (дополняться, поддерживаться, расширяться) необходимой ***слотовой*** (уточняющей, конкретизирующей) информацией.

Так, в жанровой разновидности информационного противостояния «политическое – газетное или телевизионное – интервью» терминальный узел «***участники***» может быть представлен с любой из сторон ***корреспондентом*** (адресантом, интервьюером, интервьюирующим, журналистом), выступающим в позиции организатора, инициатора или источника коммуникативного (диалогического) взаимодействия и ***интервьюируемым*** (адресатом, гостем, получателем). Позиция интервьюируемого в политическом интервью чаще всего представлена президентом какой-либо страны, высшим официальным лицо страны, например, премьер-министром, председателем правительства, министром, послом, руководителем крупной государственной корпорации и т.п.). Примечателен тот факт, что позиции участников политического интервью существенно отличаются в социально-ролевом статусе друг от друга, потому что адресат взаимодействия – это президент другой страны, который является в целом ряде стран высшим должностным лицом страны и его социально-ролевой статус выше, чем у собеседника-журналиста. Важно иметь в виду, что предварительная заданность статусного показателя одного из участников диалога-интервью накладывает определенные ограничения на вербальное поведение интервьюера как инициатора, независимо от того, расценивается ли этот статус в качестве «*прямого*», когда участники

интервью являются гражданами одной страны, или «*непрямого*» статуса, когда собеседники имеют различное гражданство.

Как показали исследования политических ТВ-интервью Президента РФ В.В. Путина с американскими и европейскими (австрийскими, немецкими) журналистами, «непрямой» статус предоставляет интервьюирующей стороне некоторую возможность тактического, технологического и вербального маневрирования структурными звеньями и тематическими блоками дискурса-интервью, а также допускает определенный (согласованный, не вызывающий возражений со стороны собеседника по интервью) уровень свободы в выборе собственных диалогических действий, шагов или реплик (см.: Романов, Романова, 2017; 2017*б*; 2018*б*; 2019*б*; Романов, Романова, Морозова, 2015*а*; 2015*б*; 2017; 2018).

В интервью подобного типа каждый коммуникант (высшее лицо государства, с одной стороны, и журналист, с другой) решают определенные задачи, обусловленные как самим жанром политического – газетного или телевизионного – интервью, так и базовыми принципами согласованного (успешного) коммуникативного взаимодействия. К таким задачам относятся, прежде всего, трансляция позитивного имиджа как самого первого лица государства (личный образ), так и лица страны, которую он представляет. Журналист, в свою очередь, также репрезентирует не только свою собственную позицию, но и позиции государства, которое он представляет. С этих позиций журналист-интервьюер стремится демонстрировать и укреплять собственную роль журналиста – профессионала в своей области. Для президента не менее важна демонстрация роли общественного деятеля и лидера, обладающего, в том числе, риторическими способностями и коммуникативными навыками, которые позволяют ему оставаться победителем в любом коммуникативном противостоянии.

Понятно, что сложный круг задач, стоящих перед участниками политического интервью, предъявляет к самим участникам обозначенного коммуникативного взаимодействия высокие требования. Так, инициаторам

интервью (журналистам) необходимо в первую очередь четко обозначить и зафиксировать ***нужный*** для достижения поставленных целей ***гиперфрейм*** и, используя весь арсенал коммуникативных средств, техник и технологий, побудить (каузировать, причинить, заинтересовать, вербально удерживать) второго участника (интервьюируемого, адресата) не покидать во время интервью очерченного тематического пространства выбранного фрейма, а «существовать» в нём. Больше того, адресату как заинтересованному в реализации своих целей и задач коммуниканту важно и необходимо *либо* взаимодействовать с инициатором интервью в рамках предложенного им гиперфреймового пространства, если оно, конечно, приемлемо для достижения поставленных ими целей и задач, *либо* пытаться выйти за рамки тематического пространства и заблокировать его актуализацию путём разрыва межслотовых валентных связей, чтобы ***а)*** нарушить структуру взаимосвязи между тематическими блоками, ***б)*** поставить под сомнение тот или иной тематический узел гиперфрейма или ***в)*** оспаривать целесообразность его актуализации и использования в данный момент беседы.

Терминальный узел «***прецедент*** представляет собой *либо* совокупность объективных данных и фактов, представленных в дискурсе, основанном на верификационном выводе с оценкой «истинно», т.е. в «дискурсе правды», *либо* включает в себя информационные «утки», сконструированные по заказу в «дискурсе постправды» и имитирующие реальность, фальшивые и «срежиссированные» факты (фейки / “fake news”), основанные на оценочных показателях недостоверного, придуманного, вероятного «highly likely» или откровенных подделок в виде набора сомнительных аргументов и безапелляционных обвинений.

К разряду таких «срежиссированных», «постправдивых» и сконструированных фактов-подделок относятся ***фальшивые новости*** или «***фейки***» (“fake news”), созданные спиндокторами от имени *авторитетных источников* (популярных политиков, писателей, журналистов, блоггеров,

актёров, учёных, военных, медийных издательств, газет, журналов, радио и ТВ-программ, страниц в социальных сетях, аккаунтов, используемых не теми людьми, от имени которых они ведутся и т.п.), ***фотографии***, ***видеоролики***, смонтированные в видеоредакторе, а также снятые в другое время и в другом месте (ср. видеосюжеты пресловутых “белых касок” в Сирии, “спецрепортажи” с “реальных” мест событий, комментарии на мошеннических сайтах, эмоциональные – восторженные или гневные – “отзывы” от несуществующих “пользователей”), ***заказные*** “митинги”, “демонстрации”, “***протестные***” шествия, “пикеты”, ***информационные*** “вбросы”, “атаки”, “шумы”, демонстративно-солидарные политические “***демарши***” по принятию политических резолюций, коллективные “***санкции***” в виде бойкота, высылки дипломатов, торгового эмбарго и т.п.

Совершенно очевидно, что терминальный узел «***прецедент***» может заполняться перечисленными “постправдивыми” семиотическими образованиями, обладающими “***параллельным*** *функционально-семантическим* ***измерением***”, которое не поддаётся рациональному мышлению, не подвластно ему и не управляется им. Такое “параллельное измерение” каузирует порождение иного – «постправдивого» – дискурса, который направлен не на выработку, поиск и принятие разумных и убеждающих (т.е. верифицируемых рациональным мышлением) аргументов, а на порождение дискурса, направленного на манипулятивное производство эмоций у партнёров по взаимодействию. Функциональная ***специфика*** такого манипулятивность «дискурса постправды» прагматически ***детерминируется*** эмоциональным восприятием (и, соответственно, «взрывом», «откликом») и ингибированием критического осмысления и рациональной оценки событийно-фактологической стороны указанного дискурса и ***ориентирована*** в качестве альтернативы на принятие собеседником-партнёром неправды (т.е. лживой, обманной, сконструированной в коммуникативных практиках-посланиях информации). Принятие партнёром альтернативы (*эмоция* versus *рацио*) осуществляется в том случае, если эмоциональный отклик

собеседника (партнёра, общества как коллективного / массового адресата) *совпадает* с его ожиданиями, обозначенными в семантико-тематическом пространстве «дискурса постправды», и он *принимает* эти ожидания вместо фактов, так как реальная оценка его ожиданий ингибируется эмоциональным состоянием и не позволяет рациональному мышлению опровергнуть (подвергнуть критической оценке и анализу) «постправдивые», ложные ожидания.

Очевидно, что заполнение прецедентного терминального узла «правдивым» (фактуальным) или «постправдивым» (фейковым, «срежиссированным) дискурсивным содержанием способствует не только членению дискурсивного массива на две разновидности, но и детерминирует коммуникативное поведение участников политического интервью относительно друг друга. Так, позиция интервьюера в «дискурсе правды» будет стратегически отличается от его же ролевой позиции в «дискурсе постправды» тем, что в *первом случае* интервьюирующий журналист ***стремится*** логически выстроить свою общую стратегическую линию и личное поведение таким образом, чтобы на фактическом (событийном) материале ***убедить*** своего собеседника в обоснованности и справедливости предъявляемых его стороне (ему лично, его прямым подчиненным и всем другим персонажам управляемой им страны) интервьюером обвинений (претензий), аргументированно убеждая и доказывая прямую или косвенную (опосредованную) адресатную причастность (ответственность) за имевшие место или происходящие в момент интервью событийные факты. На этом основании интервьюер вербально атакует своего собеседника, чтобы ***побудить*** – каузировать, вербально и логически «принудить» его (т.е. не оставить другого коммуникативно-вербального выбора) в рамках согласованных статусных параметров – ***признать*** обоснованность и правомерность выдвигаемых в его сторону обвинений или претензий. В зависимости от достижения результирующего фактора в дискурсивном (интерактивно-агоническом, состязательном) процессе интервью, журналист

имеет возможность на правах атакующего инициатора использовать широкий арсенал коммуникативно-справедливых и толерантно-допустимых вербальных средств и приёмов для достижения своей цели.

Коммуникативно-ролевая позиция интервьюера во *втором случае*, когда прецедентный терминальный узел фреймовой конфигурации с вершиной «обвинение» заполнен тематическим «постправдивым» (фейковым, нефактуальным, «срежиссированным») дискурсивным содержанием, также сводится к атакующему стилю коммуникативно-вербального интерактивного поведения журналиста-инициатора, ***но*** приобретает определенные, можно сказать, существенные отличия. Такие отличия затрагивают, в первую очередь, специфику вербального поведения самого интервьюера, которая приближается к агрессивно-атакующей манере выражения безапелляционных и демонстративных заявлений, декларации “фактуально доказанных” утверждений, практически не принимающих ни разумных доводов, ни логических возражений с противоположной адресатной стороны, а требующих лишь абсолютного согласия с зафиксированными (“известными”, “истинными”, “проверенными” различными “независимыми” и “объективными” инстанциями – от СМИ до соответствующих комиссий, “надежных» источников, политиков и руководителей “дружественных” по военно-политическим союзам или блокам государств - партнёров) и уже согласованными с политическим и информационным сообществом обвинениями.

Неудивительно, что во втором случае стратегическая линия поведения журналистов-интервьюеров будет отличаться от первого случая особым арсеналом технологических, тактико-стратегических, а также риторических приёмов и аргументов для доказательства и убеждения вкупе с набором вербальных средств атакующего воздействия на собеседника и коллективного адресата (т.е. читателей и телезрителей) с целью выработки у них веры в “фактуальную прецедентность” соответствующего терминального узла типовой фреймовой конфигурации «обвинение». Однако, в оценке

деятельности политической журналистики важно иметь в виду, что политическая журналистика, как считает Патрик Шампань, приводит к «увеличению форм политического выражения вне пределов парламентской представительности и расширяет поле агентов, участвующих в работе по производству и манипуляции понятием "общественное мнение". "Истинность" этого мнения, которое не столько "обсуждается", сколько "потребляется", состоит не в правильности его самого, а в количественной силе, то есть в числе индивидов, которые в определенный момент его разделяют.

Журналисты в силу своей профессии становятся влиятельными "лидерами общественного мнения": они высказывают свое мнение, которое, как они считают, имеет тенденцию превратиться в мнение самих читателей и стать важной составляющей того, что воспринимается как "общественное мнение"». Тем самым, радио и телевидение «дают автономное политическое существование "общественному мнению", которое они сами же и сфабриковали, превратив в профессию действия по его анализу и манипулированию им, одновременно глубоко изменив политическую деятельность в том виде, в котором она представляется по телевизору и в том виде, в каком она проживается самими политическими деятелями. … Поэтому, "собственно говоря", не существует общественного мнения французов и только в силу условности выражение употребляется в единственном числе.

Политическая наука (журналисты) в лице своих агентов «старается всем присвоить свои собственные мыслительные схемы. Это происходит всякий раз, когда журналисты-политологи придают словам или даже поведению опрашиваемых ***тот же смысл***, *что* ***им дает представляемое*** <ими> ***политическое поле***. Пресса все более и более способствует приданию значения политическим явлениям» (Шампань, 1997; URL).

С учётом отмеченных особенностей интерактивного обмена между участниками дискурсивного взаимодействия в рамках «правдивого» или «постправдивого» политического интервью представляется интересным

– 1) проследить успешность тактико-стратегической реализации выбранных собеседниками дефензивно-атакующих средств, приёмов, аргументов для достижения поставленных целей, а именно: для ***(а)*** атакующей стороны в лице журналиста-интервьюера сформировать в массовом сознании коллективного адресата негативное представление о приглашённом в студию собеседнике-госте и его стране, чтобы "легитимно", публично внедрить такое представление в коммуникативное пространство мирового общественного сознания, а для ***(б)*** атакованной стороны использовать все необходимые коммуникативные средства, чтобы легитимно противостоять нефактуальному, «постправдивому» обвинению и выработке предвзятого толкования и интерпретации в отношении персонального образа приглашённого политика и его страны,

– 2) сопоставить каждую из дискурсивных разновидностей («дискурс правды» и «дискурс постправды») в плане эффективной выработки механизмов восприятия истинности и убеждения в противостоянии «фактуальность» / «постправдивость» и особенностям манипулятивной трансляции и "токсичного" имплантирования в массовое сознание обвинительных установок в формате политического интервью,

– 3) оценить с учётом условий, контекста и особенностей функционирования арсенал используемых вариативных практик-проявлений основной стратегии «представлять себя на фоне другого», описав вербально - коммуникативное (интерактивно-дискурсивное) поведение двух сторон в дихотомическом сопоставлении противостояния «правильные, справедливые Мы» versus «неправильные, вредные, "токсичные", виноватые, без норм, морали и права Они», и

– 4) сравнить использование тактико-стратегического инструментария «дискурса правды» и «дискурса постправды» в плане достижения

убеждающего эффекта, основанного не на фактах, а на эмоциях, сформированных постправдивыми дискурсивно-доксальными посланиями или практиками, а также попытаться ответить на вопросы:

– *насколько* убеждаемые постправдивыми аргументами и подверженные посредством эмоционального воздействия участники медийной интеракции в роли отдельного или коллективного адресата *способны* и *готовы* принимать сфальсифицированную «постправдивую» аргументацию, чтобы игнорировать предъявляемые защищающейся стороной факты и верить явной дезинформации, а также

– *насколько* глубоко и интенсивно «дискурс постправды» «описывает обстоятельства», в которых объективные факты оцениваются менее важными для формирования сторонниками («агентами» – см. П. Шампань, 1997, URL) постправдивой парадигмы «срежиссированного», меметически привитого или “вирусного” общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям.

Чтобы дать ответы на поставленные вопросы, целесообразно провести поэтапный анализ вербального поведения в ситуации взаимодействия интервьюирующего и интервьюируемого в двух обозначенных выше разновидностях дискурса. В качестве первого шага необходимо провести анализ «дискурса правды». Этому и будет посвящена очередная статья в настоящем журнале.

Ссылки – References in Russian

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. – 183 с.

Романов, 1992 – *Романов А.А.* Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Текст как структура. Сб. научн. тр. Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1992. – С. 55–76.

Романов, 1995 – *Романов А.А.* Говорящий лидер в деловом общении // Человек говорящий / Homo Loquens: Язык. Познание. Культура / Сб. научн. тр. Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. – М.– Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 1995. С. 56–70.

Романов, 2002 – *Романов А.А.* Политическая лингвистика: Функциональный подход. – М. – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2002. – 191 с.

Романов, 2004 – *Романов А.А.* Суггестивная модель речевого общения: манипуляция или игра со смыслами? // Homo mendax: Игра с личностью или игра со смыслами. Сб. научн. тр. / Отв. ред. проф. А.А. Романов. – М. – Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2004. – С. 3–36.

Романов, 2014 – *Романов А.А.* Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации //_Язык, коммуникация и социальная среда. Ежегодное международное издание. Вып. 13. – Воронеж: Наука – Юнипресс; Воронежский гос. университет, 2014. – С. 88–118.

Романов, 2017 – *Романов А.А.* Роль дигитальной коммуникации в медийном пространстве информационного общества [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 1 (47). – С. 1–20. Режим доступа: http:// tverlingua.ru

Романов, 2016 – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016, № 4. С. 1–35. Режим доступа: http:// www. tverlingua.ru

Романов, Малышева, 2016 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Семантическое манипулирование как форма сетевого воздействия // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов: научный ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2016. – Вып. 3. – С.166–169.

Романов, Романова, 2009 – Романов А.А., Романова Л.А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж.Л. Остина до

наших дней. – Москва-Тверь: ИЯ РАН; «АгросферА» Тверской ГСХА, 2009. – 156 с.

Романов, Романова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. № 2. – С. 1–31. Режим доступа: http:// www. tverlingua.ru

Романов, Романова, 2016 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Меметико-регулятивная реальность как психолингвистический феномен [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016, № 1. – С. 1–14. Режим доступа: http:// tverlingua.ru

Романов, Романова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Консциентальная дискурсия и контрдискурсия в информационном противостоянии // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: сб. науч. работ (по материалам международной научно-практической конференции, НИУ «БелГУ», 4-7 октября 2017 г.) / под ред. А.В. Полонского и др. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 134–144.

Романов, Романова, 2017а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017*а*, № 2. – С. 1–32. Режим доступа: http:// www. tverlingua.ru

Романов, Романова, 2017б – *Романов А.А., Романова Л.А.* Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно - консциентальной кампании. Статья *первая*: «Окно» дискурса как комплексная технология информационного спин-докторингового воздействия [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017*б*, № 3 (49). – С. 1–39. Режим доступа: http:// www. tverlingua.ru

Романов, Романова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Selfie как перформативный акт информационного круговорота в сетевой коммуникации // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Мат. Международной научно-практической конф. (спецвыпуск журнала). – № 2 (20). – Т. 1. – Белгород: Политерра, 2018. – С. 132–144.

Романов, Романова, 2018а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фейковая дискурсия и контрдискурсия в консциентальном противостоянии // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве: ат. Международной научно-практической конф. – Москва: Изд-во «Перо»; Саратов: Амирант, 2018*а*. – С. 284–289.

Романов, Романова, 2018б – *Романов А.А., Романова Л.А.* Селфи как перформативный дискурс самопрезентации личности в сетевой коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда – Language, Communication and Social Environment: Ежегодное научное издание / Published annually; под ред. К.М. Шилихиной. – Вып. 16 / Issue No. 16. – Воронеж: Воронежский гос. университет; Наука – Юнипресс, 2018*б*. – С. 39–64.

Романов, Романова, 2019 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Селфи как эмотивная перформативная практика в сетевых коммуникациях // Вестник Волгоградского социально - педагогического ун-та. Сер.: Языкознание. – 2019, № 1. – С.171–178.

Романов, Романова, 2019а – *Романов А.А., Романова Л.А* Человек медийный как сетевой центр информационного круговорота от *Я*-медиа к *Мы*-медиа // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практ. конф. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2019*а*. – С. 24–36.

Романов, Романова, 2019б – *Романов А.А., Романова Л.А* О границах возможного и допустимого в агрессивном вербальном поведении модератора конфронтативного политического интервью // Лингвистическая лимология [Электронный ресурс]. Сб. статей по материалам Международной научной

конференции (г. Москва, 27 октября 2018 г.) / ред. колл.: А.А. Боронин и др. – Электронные текстовые данные (4,45 Мб). – М.: ИИУ МГОУ, 2019*б*. – С. 132–141.

Романов, Романова, Морозова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Конструирование медийных смыслов информационного противостояния // Функциональная лингвистика: VII Международный Крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Ялта, 5-8 октября, 2015. Сб. научных докл. / Отв. ред. А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев; Крымский республиканский ин-т постдипломного педагогического образования. – Симферополь: ООО «Форма», 2015. – С. 284–287.

Романов, Романова, Морозова, 2015а – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015*а*, № 2. – С. 1–31. Режим доступа: http://www.tverlingua.ru

Романов, Романова, Морозова, 2015б – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Нарративный метод спин-докторинговой коммуникации со слотами фреймов // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. тр. Международн. научно - практическ. конф. 3-4 апреля 2015 года. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015*б*. – С. 251–258.

Романов, Романова, Морозова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья *вторая*: О роли и значимости ментальных репрезентаций в консциентальном типе информационного воздействия вбросов материала «Панамагейт [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 4 (48). – С. 1–35. Режим доступа: http://www.tverlingua.ru

Романов, Романова, Морозова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Провокативная дискурсия медийных «игр» спин-доктора (на материале политического ТВ-интервью) // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и

образования. Мат. Международн. научно-практическ. конф. (специальный выпуск журнала). – № 3 (20). – Т. 2. – Белгород: Политерра, 2018. – С. 7–15

Романов, Царьков, Романова, 2017 – *Романов А.А., Царьков П.Б., Романова Л.А.* Дискурсивный портрет думского либерала. Опыт историко-лингвополитического описания материалов публицистики и стенографических отчетов заседаний Государственной Думы России. – Тверь: Институт прикладной лингвистики и массовых коммуникаций ТГСХА, 2017. – 201 с.

Романов, Черепанова, 1998 – *Романов А.А., Черепанова И.Ю.* Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь: Тверская ГСХА; Изд-во ГЕРС, 1998. – 205 с.

Романова, 2007 – *Романова* Л.А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2007. – 120 с.

Романова, 2009 – *Романова Л.А.* Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. – Москва-Тверь: ИЯ РАН; Тверская ГСХА, 2009. – 180 с.

Фуко, 2008 – *Фуко М.* Дискурс и истина // Логос. – 2008, № 2 (65). – С. 159–262.

Шампань, 2008 – *Шампань П.* Делать мнение: Новая политическая игра. Пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1997. – 317 с. URL: http:// scepsis.net/ library/id_1093 .html

References

Becker, K. (2002) *Dictionary Tactical Reality. Cultural intelligence and Social control*, Vienna,Selene, 123 p.

Champagne, P. (1997) *Making an opinion: New political game*. Transl. from Fr. - M .: Socio-Logos, 317 p. URL: http: // scepsis.net/ library / id_1093 .html

Foucault, M. (2008) Discourse and Truth // *Logos*, 2008, No. 2 (65), pp. 159-262.

GfdS: Gesellschaft für deutsche Sprache, Wiesbaden (2017) // https://mir24.tv/ news/16281441/v-germanii-vybrali-slovo-2017-goda

Oxford Dictionaries (2016) // https://www.oxforddictionaries.com/press/ news/ 2016/12/11/WOTY-16

Posverdad // Wikipedia. - Access Mode: Wikipedia.org/wiki/ posverdad.

Romanov, A.A. (1988) *System analysis of regulatory means of dialogical communication*, M., Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR; Kalininsky Agricultural Institute. 183 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1992) Communicative initiative of the speaker in the dialogue // *Text as a structure*. Sat. scientific. tr. Otv. Ed. A.A. Romanov, A.M. Shakhnarovich, M., Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR; Kalininsky Agricultural Institute, pp. 55–76.

Romanov, A.A. (1995) The talking leader in business communication // The person speaking / *Homo Loquens: Language. Cognition. Culture* / Sat. scientific. tr. Otv. Ed. A.A. Romanov, A.M. Shakhnarovich, M.- Tver: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tver State Agricultural Academy, pp. 56–70 (in Russian).

Romanov, A.A. (2002) *Political Linguistics: A Functional Approach*, M. – Tver, Institute of Linguistics RAS; Tver State Agricultural Academy, 191 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2004) Suggestive model of speech communication: manipulation or play with meanings? // *Homo mendax: Playing with a person or playing with meanings*. Sat. scientific. tr. / Ans. Ed. prof. A.A. Romanov, M. – Tver, INAS RAS; Tver State Agricultural Academy, pp. 3–36 (in Russian).

Romanov, A.A. (2014) Spin-doktoringovaya implementation of mental representations in the Internet communication // *Language, communication and social environment*. Annual international publication, Issue. 13, Voronezh, Science - UniPress; The Voronezh state. University, pp. 88–118 (in Russian).

Romanov, A.A. (2017) The role of digital communication in the media space of the information society // *World of linguistics and communication: electronic*

scientific journal. No. 1. P. 1–20. Access mode: http: // www. tverlingua.ru (in Russian).

Romanov, A.A. (2017a) "The window of discourse" as a technology for changing the idea of reality // *Language discourse in social practice: materials of the International. scientific and practical work*, Conf. Tver: Tver. state. Univ., pp. 205–214 (in Russian).

Romanov, A..A, Malysheva, E.V. (2016) Semantic manipulation as a form of network impact // *Psycholinguistics and lexicography*: Sat. scientific works / Scientific Editor A.V. Rudakova,Voronezh: publishing house "Origins", Issue. 3. pp. 166–169 (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, L.A. (2009) *The attraction of performativ. Essays on the theory of performativity from J.L. Austin to the present day*, Moscow-Tver:, IYa RAS; "AgrosferA" Tver State Agricultural Academy,156 p. (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, L.A. (2015) Frame matrix of spin-doctoring design of meanings in the system of public communications // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 1–31. Access mode: http: // www. tverlingua.ru (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, L.A. (2016) Memo-regulative reality as a psycholinguistic phenomenon // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 1. P. 1–14. Access mode: http: // www. tverlingua.ru (in Russian).

Romanov A.A., Romanova L.A. Communicative construct as “tunnel window” of media discursive reality // Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries. The VII International Academic Congress (United Kingdom, Cambridge, England, 26-28 February 2017). Papers and Commentaries. Vol. VII. – Cambridge: Univ. Press, 2017. – P. 512–518.

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017) Conscital discourse and counter-discourse in the information confrontation // *Discourse and media criticism of the mass media*: coll. sci. works (based on the materials of the international scientific and practical conference, NUU "BelGU", October 4-7, 2017) / ed. A.V. Polonsky et al.

Belgorod, Publishing house "Belgorod" Research Institute "BelGU", pp. 134–144 (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017a) Vector orientation of reformatting immersion in the discursive space of information attacks [Electronic resource] / / *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 2 (47). P. 1–20. Access mode: http: // www. tverlingua.ru (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017b) Functional specificity of the "fan shift" of the discourse window in the information-consociation campaign. Article One: "Window" of discourse as a complex technology of information spin-doctoring impact // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal.* No. 3. P. 1–39. Access mode: http: // www. tverlingua.ru (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova L.A. (2018) Selfie as a performative act of the information cycle in network communication // *Modern discourse analysis, Discourse of modern mass media in terms of theory, social practice and education*, Mat. International Scientific and Practical Conf. (special issue of the journal), T.1, No. 2 (20), pp. 132–144. (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018a) Fake discourse vs defensive counterdiscussion in the "information duel" // *Linguistic discourse in social practice.* Sat. scientific. tr. International scientific and practical. Conf. Tver, 6-7 April 2018, Tver, Tver. state. University, pp. 176–187 (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018b) Selfie as a performative discourse of self-presentation of personality in network communication // *Language, communication and social environment - Language, Communication and Social Environment: Annual scientific publication* / Published annually; by ed. K.M. Shilikhina,Vol. 16 / Issue No. 16, Voronezh, Voronezh State. university; Science - Unipress, pp. 39–64. (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2019) Selfie as an emotive performative practice in network communications // *Volgograd Bulletin of Social and Pedagogical University*, Ser ., Linguistics, № 1, pp.171–178.

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2019a) Selfie as an emotive performative practice in network communications // *Volgograd Bulletin of Social and Pedagogical University*, Ser ., Linguistics, № 1, pp.171–178.

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2019b) On the boundaries of the possible and acceptable in the aggressive verbal behavior of the moderator of a confrontational political interview // Linguistic Limology [Electronic resource]. *Sat articles on the materials of the International Scientific Conference* (Moscow, October 27, 2018) / Ed. Col ., A.A. Boronin et al. - Electronic text data (4.45 MB), M ., IIO MGOU, pp. 132–141.

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2015) Designing media meanings of information confrontation // *Functional linguistics: VII International Crimean Linguistic Congress "Language and World".* Yalta, October 5-8, 2015, Sat. scientific reports / Ed. ed. A.N. Rudyakov, Yu.V. Dorofeev; Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Simferopol, Form Company, pp. 284–287.

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018) Functional-semantic representation as a regulatory construct of the mental representation of the tunnel localization of the linguistic sign [Electronic resource] // *Organizational psycholinguistics: electronic scientific journa*l, No. 1, pp. 72–95. Access mode: http://www.sh-technology.ru (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2015) Narrative method of spin-docking communication with frame slots // *Language discourse in social practice*. Sat. scientific. tr. International. scientific – practical, Conf. April 3-4, 2015, Tver: Tver. state. Univ., pp. 251–258 (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2017) Functional specificity of the "fan shift" of the discourse window in the information-consociation campaign. Article 2: On the role and significance of mental representations in the consecutive type of information impact of material injections "Panagameit" [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 4 (48). P. 1–35. Access mode: http://www.tverlingua.ru (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2018) Provocative discourse of the media “games” of the spin doctor (on the material of political TV-interview) // *Modern discourse analysis. The discourse of modern mass media in terms of theory, social practice and education*, Mat. International scientific and practical conf. (special issue of the journal), No. 3 (20), T. 2. Belgorod, Polyterra, pp. 7–15. (in Russian).

Romanov, A.A., Tsarkov, P.B., Romanova, L.A. (2017) *Discursive portrait of the Duma liberal. The experience of historical and linguistic-lytic description of the materials of journalism and stenographic reports of the meetings of the State Duma of Russia*, Tver, Institute of Applied Linguistics and Mass Communications TGSHA, 201 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Cherepanova, I.Yu. (1998) *Language suggestion in pre-election communication*. Tver: Tver State Agricultural Academy; Gers Publishing House, 205 pp. (in Russian).

Romanova, L.A. (2007) *Constructive semantics of the cryptoclass of English size adjectives in diachrony and synchrony*, M, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tverskaya State Agricultural Academy, 120 p. (in Russian).

Romanova, L.A. (2009) *Structural and Semantic Aspects of Composite Performatives in the Functional Paradigm of Language, Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences*; Tver State Agricultural Academy, 180 p. (in Russian).

Traindl, A. (2007) *Neuromarketing. Die innovative Visualisierung von Emotionen*,Wien: Trauner Verlag, 128 S. Access mode: URL: http:// psylib.myword.ru